

ДРУЗЕЙ у меня нет. Единственный друг, который у меня был, ушел из жизни десять лет назад. Так есть.

И строить свою дальнейшую жизнь надо исходя из этого. Действительно, писать мне сейчас некому. Я и не пишу. Пока что. Пока не понял, что адрес, по которому я могу писать свои сокровенные письма, один: могила. Но могила моего единственного друга Василия Макаровича Шукшина. Из этого печального открытия не следует делать никаких трагических выводов. Наоборот, надо радоваться, что я не купился на эрзац, что я мужественно сознался самому себе в правде. Есть вокруг меня люди, симпатичные мне, люди разные и разрозненные. Искренние беседы с ними не дают, да и не могут дать желаемых мной результатов. Им нужна моя поддержка. Я и поддерживаю, подкармливая их своим оптимизмом и ничего не получая от них взамен.

Похоже, изобретенный мною литературный прием (письма к другу, размышления у могильной плиты) обернулся жестокой правдой и оказался вовсе не литературным приемом...

ЕСЛИ говорить о том, с чего я начался, то это были пермские госпитали. Мне тогда было восемь-девять лет, я был напичкан оперой. У нас была в те годы очень хорошая опера. И балет тоже. Тогда в Перми в эвакуации находился ленинградский оперный театр, и я каждый вечер бесплатно ходил в оперу. Я мог пропеть любую оперу от увертюры до финала, со всеми ариями и хорами. Но потом получилось как-то так, что понадобился зритель. У одного мальчишки была такая четвертушка аккордеона, трофейный такой, немецкий, он на нем очень лихо играл. Собрались мы целой компанией. Ну где самый доступный зритель? В госпитале, конечно. Мы приходили к раненым, причем сами по себе, не от школы, не от кружка, сами. Такая небольшая бригада. Играли скетчи, причем очень взрослые, я пел "Сердце красавицы" и все прочие арии подряд, причем и теноровые и басовые, любые. Мы имели бешеный успех. Никогда больше в жизни я не имел такого успеха. Они и смеялись, и хлопали, и рыдали, все было.

Потом, если опустить тот факт, что меня не приняли ни в одно театральное училище и я поступил учиться на юрфак, то следующей вехой моего становления была работа в Пермском драматическом театре. Я уже прошел кой-какую школу, это была самая крепкая школа провинциального театра, где выпускают двенадцать спектаклей в сезон, где я начинал с подноса, а кончил ведущим актером березниковского театра, потом меня пригласили в Пермь, и здесь начался второй, очень важный этап в моей жизни.

Я считаю, что все накопления, весь опыт, наблюдения закладываются еще в детстве. Потом можно добирать. Они не могут быть выхваченными из жизни. Самые сильные впечатления — из детства, потому что ты живешь продолжительное время с одними и теми же людьми. И они изменяются на протяжении этого периода. Один и тот же человек может быть Гамлетом и может быть ничтожеством — за какой-то, конечно, протяженный период.

Георгий БУРКОВ

Письма к другу

Так называется одна из глав книги замечательного артиста театра и кино

Мне в этом смысле повезло, я прожил двадцать пять лет в Перми, это сейчас город разросся, а тогда все друг друга знали. Знали самого большого человека в городе, самого маленького. Была у нас девушка, так весь город знал, что у нее самая большая коса. Мое детство в этом смысле продлилось. Я повзрослел, а впечатления все накапливались, наплавились. И если говорить честно, то все герои, которых я играю, все пришли из Перми. Ведь там Урал, Сибирь, там довольно стойкий тип характера, именно русского национального характера. И все последующие наблюдения теперь нанизываются на те, устоявшиеся уже...

ОМОЕМ имени. Меня зовут Георгий. Имя довольно распространенное, даже чуть-чуть нарицательное, анекдотическое. "Жора, подай мой макинтош" или "Жора, рубай компот, пока он жирный" и т. д. Но в этом сочетании, в каком это имя принадлежит одному только мне, оно имеет особый смысл. Мое полное имя Георгий Иванов Бурков.

Ирония помогла мне во многом. Я очень рано решил не делать жизнь с Павки Корчагина или Феликса Дзержинского.

Я рано отказался догонять Америку по актерскому мастерству. Меня не пугает, что стену придется пробивать лбом. Меня пугает, что стена эта из пивидла или манной каши и неизвестной толщины: стена эта несущая, опорная...

Много сил я положил на то, чтобы выдерживать натиск большевиков. Иногда моя

жизнь кажется очень глупой и очень смешной.

Почему-то вспомнил Мишу Лескова и Васиного балалаечника Федю и свои размышления о народном театре, в который, к великому горю моему, нет мне пути. "Что ему Гекуба?" А вот страдаю и плачу.

Привез я в Москву своего Рябого (спектакль "Анна". Московский драматический театр имени К. С. Станиславского. Первая роль. — Прим. ред.). Для кого? Ну, посмеялись. А дальше? Пошутил Москву Поприциным. Снова посмеялись.

Чиновничья Москва никогда не поймет и не примет моих братьев.

Конечно, мне повезло, что был 53-й, а потом — 56-й. Иначе сидеть бы мне. Подозреваю, что очень много способных людей прорвалось в то время. Потом их отлавливали, высылали, шельмовали, вынуждали уезжать, убивали.

Я обманул Государство. Я выиграл время и получил самообразование в пермской библиотеке имени Горького.

Но не пустил себя в диссидентство, то есть побоялся попасть в тюрьму и потерять время. Это и можно назвать главным маневром моей жизни. Я стал актером. Без отца, который понял меня, поверил мне и, если хотите, содержал меня на свой страх (сын-туняедец и риск, я мог бы сорваться), я бы ничего не добился. Он был спонсором моего дерзкого и рискованного замысла. Мой отец! Папа Ваня, как прозвала его моя дочь Маша. Он делал тоже свой маневр. Он вовремя вступил в партию, иначе не получил бы никакого образования. Мой отец отно-

Георгий БУРКОВ и Василий ШУКШИН на съемках фильма "Калина красная"

Фото ИТАР — ТАСС

Георгий Бурков, знаменитый актер, умер четыре года назад — 19 июля 1990 года. Умер, оставив, кроме наших воспоминаний о его ролях, дневники, размышления, просто записные книжки. Они вошли в книгу "Граф Монте-Кристо по-русски", подготовленную к изданию его вдовой Татьяной Ухаровой-Бурковой. Книга должна выйти в издательстве "Мера".

сил к подполью 30-х, к самому тайному, к самому замаскированному. Я же совершал свой маневр в обманчивое время "оттепелей". Мы с отцом рискнули, и я проскочил. Марксизм-ленинизм я "изучил" ровно настолько, чтобы иметь демагогический слой защиты. Такое разное подполье все 70 лет существовало в нашей стране. Оно и не могло не существовать, ибо воевали большевики против Человеческого в Человеке. Против Природы. Против Жизни. Так что Сталин не ошибался, когда в каждом человеке видел "врага народа"...

Я ВСЮ жизнь скрывал, что я "маменькин сынок". Мне было стыдно сознаться в этом. Ведь я страдал из-за всяких пустяков. Например, из-за погнавшей под трамвай собаки или раздавленного машинной голубя. До сих пор помню уроки матери: я рыдаю над судьбой Муму, а счастливая от моих слез мать "добывает" меня, читает дальше. Или жестокая сказка матери, сочиненная специально для меня, когда я украл деньги. Но однажды Шукшин сознался мне, что он тоже "маменькин сынок". Что же это такое? В ребенка каким-то только матери известным способом поселяются страдание и мечта.

ЗА 25 лет работы в театрах как актер я сделал много, не побоюсь сказать, гениальных набросков, но не более того. И вот сейчас я должен, обязан просто, сделать совершенные роли, довести все мои предыдущие эскизы, наброски, задумки до совершенства. Все мои усилия на

ближайшее время надо сконцентрировать на актерской работе...

Давайте наденем лучшие свои костюмы-тройки, купленные за границей, чистые рубашки, красивые галстуки, сядем в кружок перед телекамерами и еще раз умно и весело поговорим о том, чего никогда не будет. Чего нам стоит потерять часа два-три? Давайте еще раз обманем своих сотоварищей.

Нет, дорогие мои, страшен черт, и страшен так, как его малюют. А горшки имеют право обжигать только боги. В искусстве иначе и быть не может. Дальнобойность в искусстве. На одно поколение или на несколько поколений.

Если меня когда-нибудь напечатают, то критика, похвалив или поругав (а это будет зависеть от того, в какой стадии откровенности будет находиться государство), создаст для меня название "театральный", как Шукшина загноили в "Деревенщики".

О бессмертии мечтают молодые, старики думают о вечном. Очень немногие из нас могут быть истинными художниками, но и тех, кто совсем лишен чувства прекрасного, тоже очень мало.

Я обязан сознаться, что я смешон был и смешным остаюсь. И буду до конца дней своих смешным. Потому что я живу в середине XX века и потому что я русский...

Может быть, действительно мы живем в эпоху краха исторической России? Может быть, на самом деле обращение к истокам и к вершинам русской культуры

сейчас выглядит со стороны смехотворно и старомодно? Ведь вопрос о национальной русской культуре в принципе-то давно решен. Мы растворены в жидком составе общепрописных коммунистических догм — в интернационализме. Интернационализм — это не что иное, как продолжающаяся мировая революция, замешанная на международном терроризме. А мировая революция — это планета на военном положении. На всей территории России в 1917 г. был объявлен комендантский век.

Боже мой, сколько литературного, театрального и прочего мусора и подделок, выдаваемых за любовь и талант, скопилось на свалке Человечества. И мусор этот не убывает. Наоборот. Что же делать?

Собственная рыхлость, инертность и от этого бездельничанье — все это не просто раздражает, а бесит меня. Васю закрутили, завертели в партийном хороводе, и легионы корреспондентов разорвали его сердце в клочья. Ему, Васе, казалось, что он гениальный стратег. Ради Степана Разина, ради того, чтобы осуществить цель своей жизни, свое предназначение, он терпел всю эту обнищавшую свору духовных пастырей, кормил их уже одним тем, что позволял доить себя.

Ему казалось, что он хитрит и обманывает их. Получилось наоборот. Его обманули. Они-то уж знали, что делали и делают. А сейчас набирают металл в голосе (заговорили вдрут), чтобы заявить, что, мол, человек из моего окружения, из моей свиты, был образцом художника и примером для подражания. И меня будут всю жизнь ненавидеть за то, что я знаю правду. И всячески мешать мне выйти на самостоятельный и открытый разговор с людьми. Такие вещи они делать умеют. Все они вместе взятые убили Степана Разина, а следовательно, и Шукшина. Вот в чем истина.

Какая-то закономерность существует в судьбах людей. После гибели Урбанского меня посетила эта мысль в формах неуловимого предчувствия. Я назвал это нечто готовностью к смерти. Что же это такое? Сейчас, когда меня охватывает безысходная тоска, когда я целыми днями маюсь, не могу заняться чем-нибудь хотя бы, я чувствую — от полной бессмысленности существования, что теряю всякие надежды на будущее. Казалось бы, сейчас, в момент благоприятный для меня, на пороге больших свершений, не должно быть места пессимизму, упадку.

Но нет, именно сейчас! Почему это? Видимо, я большего хочу, о большем думаю. Страшный трагический конфликт, возникновение которого неизбежно, конфликт со всеми на земле, если я только, забыв обо всем, устремлюсь к своей цели, он уже сидит во мне. Урбанский переживал другое наверняка. Но для него было все так же серьезно и тягостно. В такие моменты теряешь естественный страх перед смертью и живешь фатально. Надо бороться с этой пассивной завороченностью. Уж больно не праздничное время сейчас. Понимать надо! И на конфликт этот идти радостно, по-русски. А значит, и преодолевать в себе эту самую готовность к смерти.